

О ПОЛИТЕИСТИЧЕСКИХ КОРНЯХ МОНОТЕИЗМА ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА

С.В. Телепень

(УО МГПУ им. И.П. Шамякина, Мозырь)

На сегодняшний день славянские народы как культурно-исторические общности в большинстве своем остаются приверженцами христианства. Характерные для Восточной Европы традиционность социальных институтов, консерватизм сознания здесь естественным образом предопределили принадлежность славянства двум ортодоксальным конфессиям христианства – православию и католицизму. Обе конфессии в равной мере основываются на символе веры, выработанном Никейским собором 325 г., то есть собором, инициатива которого целиком принадлежит особо почитаемому как у православных, так и у католиков святому императору Константину Великому.

Жизнь Константина давно обросла легендами, зачастую препятствующими пониманию того исторического контекста, в котором

формировались христианские взгляды императора. Отсюда – необходимость соотнесения путей обращения римлян (и самого Константина) со сложившейся к началу IV в. в Римской империи религиозной ситуацией. *Крупнейший немецкий антиковед К. Крист определяет Константина как «солдатского императора» [1, с. 410]. Тем не менее существует и авторитетное мнение, что «в военном плане правление Константина ознаменовало скорее спад, нежели подъем» [2, с. 332]. Действительно, главным вкладом Константина в мировую историю стало «продвижение» христианства в медленно терявшее свои политеистические религиозные пристрастия римское общество эпохи поздней Империи.*

Обращение самого Константина представляет собой сложную проблему, поскольку неясными являются те обстоятельства и мотивы, которые привели его к христианству. Император официально не заявлял о своем обращении даже после победы в 312 г. над Максенцием. Впрочем, Константин вообще избегал однозначного определения своей религиозной принадлежности. Ситуация представляется вполне закономерной, если учесть, что христианство было религией меньшинства, и любой император, если он искал лояльности граждан, должен был поступать именно таким образом. Либешуэтц замечает, что это естественно для политики, основанной на принципе длительной подготовки общественного мнения [3, p. 278].

Победа в гражданской войне сделала Константина приверженцем христианства и заставила его на протяжении всего дальнейшего своего правления стремиться понять, чего хочет от него христианский Бог, чтобы выполнить надлежащий государю долг. Константин пришел к христианству, будучи верящим в высшую силу, но будучи в неведении относительно того, чем была эта высшая сила. Первоначальная неосведомленность Константина относительно христианского Бога, возможно, проистекала от того религиозного синкретизма, которого придерживался его отец Констанций Хлор. Последний, очевидно, не был христианином, но в гонениях на христиан избегал крайностей, допускавших его соправителями-тетрархами. Констанций Хлор был адептом культа Непобедимого Солнца (Sol Invictus) и, очевидно, верил в высшее божество (Euseb. De vita Constantini I. 27). [3, p. 279].

В этой связи довольно информативной является монетная чеканка Констанция. Отражение религиозного синкретизма монетной чеканкой этого времени, рассчитанной, кстати, на идеологическую обработку солдатской массы, изучено достаточно хорошо [4, с. 467]. Действительно, Констанций Хлор использовал в своей монетной чеканке изображения Юпитера, Геркулеса, Марса. При этом в обращенных к этому тетрарху панегириках присутствуют такие политеистические (но переходящие в монотеизм) мотивы, которые свидетельствуют, что Констанций,

в соответствии с тогдашними представлениями, верил, что различные языческие боги олицетворяют разные аспекты единого высшего божества [5, Vol.VI, p. 163ff].

Вера в верховного бога в это время была известна и адептам язычества. Даже соперник Константина Лициний Лициниан придерживался подобных взглядов и, например, приказал своим солдатам прочесть молитву верховному божеству перед тем, как идти на битву против Максимиана Дазы. Фактически молитва настолько была понятна и для христиан, и для язычников, что Константин в свою очередь велел ее прочесть своим воинам, не деля их на христиан и язычников (Lact. De Mortibus Persecutorum XLVI; Euseb. Historiae ecclesiasticae IX. 9, XI. 9; idem De vita Constantini IV. 19-20). Текст молитвы у Лактанция следующий:

«Всевышний Боже, Тебя молим. Святой Боже, Тебя молим. Всю справедливость Тебе вверяем, благо наше Тебе вверяем, государство наше Тебе вверяем. По Твоей воле побеждаем и благоденствуем. Всевышний святой Боже, услышь молитвы наши. Руки свои к Тебе простираем. Услышь, Святой Всевышний Боже» (пер. – В.М. Тюленева)

Данный текст говорит об известной амбивалентности христианских и языческих воззрений и символов в IV в. Поэтому И.О. Евтухов, очевидно, прав, когда обращает внимание на то, что «... з'яўляецца тэндэнцыя да пераводу элементаў рымскай ментальнасці ў хрысціянскую знакавую форму» [6, с. 6–7]. Однако в отличие от Константина, Лициний не считал христианского Бога высшим божеством. Вместо этого он полагал, что таким божеством был Юпитер Наилучший Величайший (Jupiter Optimus Maximus) – центральная фигура Капитолийской Триады [5, vol.VII, p. 591–608 p.].

Заметим вновь, культ Непобедимого Солнца был тем культом, в котором объединялись как языческие, так и христианские понятия о единобожии. Поклонение этому божеству могло быть традиционным в семье Константина (Nimer. Eclogae XII. 6; Iul. Ar. Orationes IV. 131). Еще в 1948 г. С.И. Ковалев высказывал мысль, что в 312 г. в битве у Мульвийского моста воины Константина на самом деле использовали не монограмму Христа, а очень похожий на нее митраистский знак солнца [7, с. 667].

В самом деле, непобедимое Солнце присутствует не только на монетах Констанция Хлора, но и на монетной чеканке Константина после 310 г. Фактически Непобедимое Солнце изображается на монетах Константина еще шесть или семь лет после его обращения и присутствует даже на монетах Константина, отчеканенных после победы над Лицинием в 324 г. Победы, которую Константин одержал как христианский полководец, возглавивший поход против язычника Лициния [5, vol.VII, p. 111].

Несколько неожиданные данные сообщает датированный 310-м годом панегирик Константину, упоминающий посещение им святилища

Аполлона (PL VII. 21). Возможно, такое парадоксальное поведение явилось результатом того, что обожествленное Солнце было интеллектуальной концепцией, а не только объектом языческого поклонения. Например, Платон использовал образ солнца как олицетворение добрых сил, правящих миром (Plato *Respublica* VI. 19; *idem Timaeus* 40 b).

Все это должно было приводить к мысли, что солнце связано с божественной силой или даже само является божеством. Существовали также культы, специально посвященные солнечным божествам, из которых наиболее важным, по крайней мере во времена императора Аврелиана, был посвященный именно Непобедимому Солнцу (Zos. *Historia nova* I. 61. 2). Другим таким божеством был Митра, особенно популярный в римской армии.

Для христиан солнце также имело особое значение. Иисус родился в день, посвященный солнцу (воскресенье), в который христиане проводили свои еженедельные богослужения, причем обратясь лицом на восток. По этой причине у Тертуллиана были основания говорить, что люди часто путают Непобедимое Солнце с Христианским Богом (Tertull. *Ad nationes* I. 13). Отсюда вовсе не кажется удивительным, что многие христиане из простонародья ассоциировали Иисуса с солнцем, хотя это и противоречило ортодоксальному учению. Лактанций разъясняет, что солнце – безличное созданное светило, но при этом использует образ солнца как аллегория Бога (Lact. *Divinae institutiones* II. 10).

Изображения солнца и императоров долгое время находились в тесной ассоциативной связи в имперском искусстве Рима. В этом случае Константин просто продолжал уже сложившуюся при его предшественниках традицию монетной иконографии [5, vol.VI, p. 714; vol.VII, p. 767]. Даже Юлий Фирмик Матерн называет Солнце «принцепсом» (Jul. *Mathesis* I. 14). Ассоциирование солнца с императором предполагает, что императорская власть – часть естественного миропорядка, а сам император на земле играет ту же роль, что и солнце среди светил. Прибытие императора в тот или иной город (*adventus*) всегда сравнивалось с восходом солнца или по крайней мере – с возвращением света [8, p. 722]. Въезд Константина в Рим после победы над Максенцием был изображен на его арке. Триумф Константина здесь представлен как возвращение солнца после темной ночи тирании Максенция. Император был таким же господином на земле, как солнце на небе. Чтобы подчеркнуть это, медальон, изображающий солнце в колеснице, на арке Константина в Риме был помещен над рельефом, изображающим *adventus* Константина.

Символ Непобедимого Солнца был символом монархической власти и веры в высшее существо. В отношении религиозных воззрений это было в достаточной степени амбивалентно, чтобы и христиане, и язычники

могли интерпретировать данный символ в свете своих религиозных воззрений. Хотя Непобедимое Солнце в конечном итоге исчезает с монет Константина, оно продолжает использоваться его преемниками как символ императорской власти и обнаруживается на медальонах времен правления Констанция II [3, p. 285]. В монетной же чеканке самого Константина однозначная христианская символика не использовалась до 327 г., т. е. до официального принятия им *labarum*'а в качестве военного штандарта [5, vol.VII., p. 62].

Использование нейтральных и солярных религиозных образов также присутствует в анонимном панегирике Константину, составленном, вероятно, в Трире приблизительно в 313 г. Константин в этом панегирике описан как человек, горячо верящий в высшее существо, которое вселяет в него надежду на победу над врагами. В описании панегириста высшее существо следит за действиями Максенция и тем самым гарантирует успех Константина. Панегирик включает некоторые политеистические реминисценции, но не называет имен языческих богов (PL IX. 2. 2, 16. 2, 17. 1–3).

Подобный же риторический стиль присутствует и в панегирике, датированном 321 г., составленном в ознаменование пятой годовщины вступления сыновей Константина в ранг цезарей и характеризующемся в значительной степени монотеистическим тоном. Речь здесь идет о вмешательстве некоего в этическом отношении требовательного божества, которое даровало победу Константину над Максенцием ввиду нравственного превосходства Константина. Традиционные боги упоминаются, но являют собой не более чем аллегория и не выглядят влияющими на события. С другой стороны, панегирист пишет о том, что высшее существо послало на помощь Константину небесное войско во главе с отцом императора – Констанцием Хлором (PL X. 7. 1, 14). Панегирик является еще одним свидетельством стремления Константина использовать традиционные символы в контексте своей политики религиозного компромисса [3, p. 288–289].

Таким образом, генезис христианских воззрений как самого Константина, так и римского общества в целом выразился в постепенном переходе от политеизма к «языческому монотеизму», когда объектом поклонения является по преимуществу одно из многих признаваемых божеств (здесь – солнечное божество), и лишь от «языческого монотеизма» – к монотеизму христианскому. Означенная эволюция представляется достаточно символической, в силу того особого места, которое в традиционной культуре славян занимает образ солнца. Отсюда – актуальность проблемы той популярности, которую святой император сохраняет среди славян, исповедующих ортодоксальные формы христианства, то есть популярности, обусловленной именно «солнечным происхождением» христианских воззрений Константина. Однако решение этого вопроса – предмет будущих исследований.

Литература

1. Крист, К. История времен римских императоров от Августа до Константина: в 2 т. / К. Крист. – Ростов-на-Дону: Изд. «Феникс», 1997. – Т. 2. – 576 с.
2. Буркхард, Я. Век Константина Великого / Я. Буркхард; пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 367 с.
3. Liebeschuetz, J.H.W.G. Continuity and Change in Roman Religion / J.H.W.G. Liebeschuetz. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – XV, 359 p.
4. Абрамзон, М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи / М.Г. Абрамзон. – М.: РАН, Институт археологии, 1995. – 656 с.
5. The Roman Imperial Coinage. Volume VI. / ed. P.M. Bruun – London: Spink and Son LTD, Vol.VI 1967. – XXIII, 728 p.; Vol.VII. –1966. – XXXI, 780 p.
6. Еўтухоў, І.А. Успрыняцце прасторы і часу ў познеантычным менталітэце / І.А. Еўтухоў. – Мінск: БДУ, 1999. – 83 с.
7. Ковалев, С.И. История Рима: курс лекций / С.И. Ковалев. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: ЛГУ, 1986. – 743 с.
8. Mac Cormack, S. Change and Continuity in Late Antiquity in the Ceremony of the adventus / S. MacCormack // *Historia*. – 1972. – №21. – P.721–752.

МГПУ им. И.П.Шамякина